

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ДИССОНАНС ПОЛИТИКИ США В АРКТИКЕ

Л.А. Матияк

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Соединённые Штаты, будучи одним из пяти арктических государств, выступают на данном региональном поле, с одной стороны, в довольно традиционном для себя внешнеполитическом амплуа, применяя уже апробированные тактические уловки, но при этом выделяются нетипичной пассивностью, обусловленной, в первую очередь, отсутствием арктической идентичности. Особенно это заметно в сравнении с другими странами «пятерки» – совершенно разными, но объединёнными чувством сопричастности к Северу. США, единственные, не являются участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, занимают довольно жёсткую позицию по юрисдикции Северо-Западного прохода, грозящую ухудшением отношений с Канадой; не развивают жизненно важный ледокольный флот. Такая амбивалентность циркумполярной стратегии мощной и внешнеполитически опытной страны сама по себе представляет значительный исследовательский интерес. При этом в новых международных условиях значение региона существенно повышается – он способен стать одновременно и «полем боя» ввиду стратегического геополитического положения, и «главным трофеем», учитывая, прежде всего, богатый углеводородный потенциал. Уже в последние годы Арктика постепенно превращается во внешнеполитический «метарегион»: географически узкие рамки глобально расширяются благодаря увеличению мирового присутствия в энергетически и транспортно перспективном Заполярье. Об этом свидетельствуют и появление новых активных участников (включая традиционно неарктических игроков), и придание динамики тематическому наполнению многосторонних дискуссий (традиционная повестка – сохранение хрупкой биосферы, коренные народы Севера – дополняется новыми «вызовами»: энергетическая безопасность, климатическое потепление, милитаризация), и укрепление институционального каркаса (Арктический Совет становится всё более влиятельной организацией). В свете напряжённости российско-американских отношений и повышающегося значения циркумполярного региона арктическая стратегия США должна стать предметом пристального как научно-исследовательского, так и государственного внимания.

Ключевые слова: Арктика, внешняя политика США, Арктический Совет, международно-правовой статус, Конвенция ООН по морскому праву, Северо-западный проход, Канада, Гренландия, ледокольный флот, Север, арктическая идентичность.

■ Международные отношения и мировая политика

Соединённые Штаты, одно из мощнейших арктических государств по своей географической принадлежности, выделяются на фоне исконно северных России, Дании, Канады и Норвегии парадоксальным отсутствием циркумполярной идентичности. Об этом наглядно свидетельствует, прежде всего, их лишённая последовательности и патриотического запала политика в регионе. Несмотря на множасьщиеся стратегические документы и ужесточение алармистской риторики, американцы проявляют несвойственную им самим, а также иным циркумполярным участникам пассивность – они не являются участниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., обладают слаборазвитым ледокольным флотом, занимают весьма жёсткую позицию касательно правового статуса Северо-Западного прохода, грозящую ухудшением отношений с союзной Канадой.

В то же время нельзя недооценивать их политической и экономической значимости на международной арене, военного потенциала, а также «добавленного» влияния благодаря воздействию на другие страны арктической «пятерки», являющиеся участницами НАТО. Кроме того, США, претендуя на роль мирового гегемона, располагают широким арсеналом внешнеполитических тактических приёмов, успешно применяемых ими на иных региональных полях.

Отсутствие арктической идентичности связано, в первую очередь, с исторически поздним вхождением в состав США территорий за Полярным кругом. Другие государства получили арктический статус не внезапно и посредством юридически оформленной коммерческой сделки, а путём поэтапного закрепления в регионе через цепочку географических открытий и расширение промысловой деятельности. У них были целые столетия, чтобы осознать себя в качестве северной страны, у американцев фактически всего один день – 18 октября 1867 года.

Для США по праву покупателя факт принадлежности арктических земель к ним (великой державе) важнее, тогда как иные участницы «пятерки» в большей степени ощущают значимость своей сопричастности к Арктике (великому Северу), будучи связаны с ней не собственно вольно, а *jure divino*¹. Ими «циркумполярность» рассматривается в качестве одной из смыслообразующих национальных характеристик – так, даже в государственном гимне Канады страна обозначается как «истинный Север, сильный и свободный» [1]. С одной стороны, такое отсутствие естественного для других игроков многослойного и уходящего в вековые дали первых экспедиций подтекста позволяет США писать современную внешнеполитическую стратегию на чистой арктической доске, не исписанной сотнями символов из сложно управляемой области национальных чувств и памяти.

Однако тот же самый фактор в равной степени способен их и ослабить – для остальных циркумполярных стран вопрос могущества в этом регионе имеет гораздо более принципиальное значение, поскольку лежит в эмоционально насыщенной плоскости государственной гордости, что уже является мощным стимулом для всестороннего укрепления на Севере и отстаивания своих интересов. Прагматичные американцы же, рассматривая полярный статус как некую важную, прежде всего в экономическом и военном смыслах, но абстракцию, а саму Арктику как своего рода легендарную Гиперборею, населённую «мифическими» коренными народами Севера, вроде бы, и способны проявлять себя на этом направлении в качестве активно заинтересованных участников. Однако их взгляд всегда остаётся более отстранённым, а действия лишены динамики и запала.

Неудивительно, что первоначально именно в Соединённых Штатах была довольно сильна идея подготовить специальное многостороннее соглашение по Арктике с целью развития научных исследований Крайнего Севера и расширения международного сотрудничества – во время Второй мировой войны её выдвигает вице-президент США Генри А. Уоллес [2]. Тогда только вступление американцев в борьбу со странами «оси» помешало её реализации. Новый всплеск наблюдается в конце 1960-х гг. – появилась концепция «Пакта Северных стран» (Northlands Compact), вдохновлённая Договором об Антарктиде 1959 года. Её сторонники настаивали на создании зонтичного договора, который касался бы широкого спектра вопросов, включая экономическое развитие, защиту окружающей среды, повышение благосостояния региона, что вновь было с энтузиазмом воспринято США: проект активно продвигался администрацией президента Никсона.

В декабре 1971 г. была принята Директива Совета национальной безопасности NSDM – 144 (National Security Decision Memorandum – 144), в соответствии с которой подготовка соглашения приобретала первостепенное значение [3]. В следующей Директиве 1973 г. (National Security Decision Memorandum – 202) эта идея подкрепляется императивом не вступать в прямые переговоры с Канадой, СССР и другими арктическими странами в целях продвижения идеи многонационального пакта о сотрудничестве на Севере и в арктическом регионе (Northlands and Arctic Cooperation Compact) и организации международной конференции [2]. Не найдя, судя по всему, должного отклика и всесторонней поддержки, проект был свёрнут и забыт.

Рьяное продвижение «международности» Арктики также свидетельствует о более виртуальном отношении Соединённых Штатов к циркумполярным территориям – предложение «сшить» новый региональный договор по лека-

---

¹ Пер. с лат. – по божескому праву

лам соглашения об Антарктиде явно шло вразрез с собственническими инстинктами других арктических стран (именно поэтому переговоры с ними не считались перспективными). Таким образом, США исторически вписывали себя в большей степени в ряды мирового сообщества, нежели признавали членство в закрытом клубе полярных государств.

Переформатирование даже не национальной стратегии развития региона, а его восприятия произошло лишь в середине 2000-х гг. Прежде всего, в связи с резким всплеском внешнеполитического интереса – значительные нефтегазовые запасы Крайнего Севера стали как никогда привлекательны в:

- контексте повышающихся цен на углеводороды (в 2008 году они достигли пикового значения);

- приближающегося энергодефицита;

- российской акции по установке государственного флага на дне Северного Ледовитого океана, которая у американского истеблишмента способна была вызвать только нервные судороги и возвращение приобретённых во времена ампутаций холодной войны фантомных болей.

Симптоматично, насколько разное значение придаётся региону в двух концептуальных документах, выпущенных с разницей в чуть более чем десятилетие: Обзорной записке по политике США в Арктике, опубликованной в журнале Госдепартамента Соединённых Штатов («U.S. Department of State Dispatch») в 1994 г., и Президентской директиве национальной безопасности №66 (National Security Presidential Directive – 66) 2009 г. Во втором из них, изданном в последние дни нахождения у власти президента Джорджа У. Буша-младшего, территории внутри Полярного круга были объявлены зоной стратегических интересов Соединённых Штатов, а будущей администрации даётся совет расширить присутствие в Арктике [4].

«Инаковость» концепции 2009 г. проявляется даже не в том, что «региональный текст» претерпел серьёзную сущностную и стилистическую редактуру – скорее, в старом материале были расставлены новые акценты посредством ряда лексико-грамматических и композиционных нюансов:

- во-первых, в преамбуле директивы констатируется, что «США – арктическое государство...» («the United States is an Arctic nation») [4], тогда как документ 1994 г. начинался со слов о том, что «США считается арктическим государством...» («the United States has been an Arctic nation») [5]. Грамматическая конструкция 2009 г., звучащая как «Знамя, усыпанное звёздами» по сравнению с гимном штата Аляска, свидетельствует не просто о нацеленности США продемонстрировать арктический статус на международной арене и решимости отстаивать в регионе свои национальные интересы, но и попытке искусственно утвердить реально несуществующую полярную идентичность нации [6]. Впрочем, для

такой «искусственной» нации, коей являются Соединённые Штаты с их комплексом исторической неполноценности и блестящим умением создавать иллюзию уходящих в глубь веков корней, подобные действия более чем естественны (как говорила М. Тэтчер, Европа была создана историей, Америка – философией);

- во-вторых, новый документ подчёркивает стратегическую важность Аляски – акцентируется внимание на том, что весь комплекс вопросов, связанных с циркумполярными территориями, затрагивает не один штат (в прошлом – почти ту самую Гиперборею), а Соединённые Штаты в целом. В развитие предыдущей идеи статус «арктического» переносится с отдельной территориальной единицы государства на него в целом, что влечет за собой изменение приоритетности этой проблематики для национальной политики, а также её значения для обеспечения безопасности и благосостояния всего американского народа;

- в-третьих, в заключении документа обозначаются шесть главных целей США на этом направлении: решение задач национальной безопасности и обороны; защита окружающей среды и биологических ресурсов; контроль за соответствием использования ресурсной базы и экономического развития региона долгосрочным перспективам; укрепление институтов сотрудничества восьми арктических держав; вовлечение коренного населения Арктики в принятие решений, которые их затрагивают; развитие научных исследований по защите окружающей среды на местном, региональном и мировом уровне.

Эти же задачи перечислены и в документе 1994 г., однако их очерёдность была изменена – раньше пункт, касающийся проблематики национальной безопасности и обороны, находился в самом конце списка, теперь же он обозначен первым.

«Точечность» вносимых изменений при сохранении текстуального каркаса предыдущего документа (изданного в совершенно иной с геополитической точки зрения период времени, что, кажется, должно было потребовать более глобальных изменений) призвана создать впечатление преемственности американской политики в Арктике, которая словно всегда рассматривалась в качестве стратегически важного региона, а также незыблемости статуса северной страны. Тем не менее, циркумполярные территории, обладая рядом сложнейших климатических характеристик, даже несмотря на перспективы потепления и таяния льдов, являются регионом, требующим постоянных и значительных инвестиций. Именно поэтому реальное, а не вымышленное, то есть существующее только в плоскости выступлений первых лиц и концептуальных внешнеполитических документов, присутствие государства может быть оценено на основе ряда достаточно объективных критериев.

Одной из «лакмусовых бумажек» представленности страны в арктических широтах можно

■ Международные отношения и мировая политика

считать степень развития ледокольного флота, без которого в Северном Ледовитом океане немислим практически ни один вид деятельности – ни исследовательской, ни коммерческой, ни военной. Возможности Соединённых Штатов в этой плоскости значительно скромнее, нежели их дар бюрократического красноречия на заданную внешнеполитическую тему. Два ледокола Береговой охраны США – «Полярная звезда» (Polar Star) и «Полярное море» (Polar Sea) – уже превысили допустимый 30-летний срок службы. Первый из них в конце 2012 г. после ремонтных работ был возвращен на службу на дополнительные 7–10 лет, второй – с 2011 г. находится в нерабочем состоянии. В 2000 г. на воду был спущен новый ледокол – «Хили» (Healey), однако же значительно уступающий двум предыдущим по своим техническим характеристикам, в частности, мощности, будучи предназначен, скорее, для научных исследований [7]. Для сравнения: Российская Федерация располагает 6 атомными ледоколами, не говоря уже об обычных.

Вместе с тем, в стратегии Береговой охраны США для Арктического региона (United States Coast Guard Arctic Strategy), выпущенной в 2013 г., отмечается: «Соединённые Штаты должны обладать ледокольным флотом, чтобы содействовать исследованиям, способствующим фундаментальному пониманию региональных процессов и их эволюции» [8]. При этом подчёркнуто «стратегическое значение капиталовложений в расширение и увеличение мощности ледокольного флота в целях получения доступа к высоким широтам в долгосрочной перспективе» [8]. Однако реальных результатов пока не видно.

Пробелы стратегического характера присутствуют не только в инфраструктурной и технической, но и в международно-правовой областях. В отсутствие специального регионального соглашения основополагающим юридически обязывающим документом является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., регулирующая все международные аспекты использования морского пространства, включая принципиальные для арктических стран вопросы делимитации континентального шельфа. Её универсальность и всеобъемлющий охват (по мнению О. Янга, Конвенция сама по себе является режимом [9]), оборачиваются тем, что сугубо полярная специфика, а также «особые» права арктических государств, что неоднократно подчёркивалось «пятёркой», фактически не были прописаны, за исключением статьи 234, наделяющей прибрежные государства правом «обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны» [11]. Илулиссатская декларация 2008 г. провозглашала, что «в силу своего суверенитета, суверенных прав и юрисдикции над обширными районами Северного Ледови-

того океана, пять прибрежных государств находятся в уникальном положении для решения этих возможностей и вызовов» [10].

Однако большинство принципиальных для арктических держав вопросов Конвенция разрешить способна, узкоспециализированные же проблемы можно отразить в «прицельных» региональных договорах (уже приняты юридически обязывающие Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасении в Арктике 2011 г. и Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности реагирования на загрязнение нефтью арктических морей 2013 г.). Именно поэтому во всех последних концептуальных документах США, посвящённых политике в регионе, присоединение к Конвенции рассматривается в качестве важнейшей задачи. Только этот шаг позволит юридически обосновать территориальную принадлежность богатого ресурсами участка континентального шельфа, а также в полной мере пользоваться всем её широким правовым инструментарием для продвижения и защиты национальных интересов.

В ходе переговорного процесса по подготовке Соглашения основной проблемой являлась негибкая позиция США, касающаяся приоритета принципа свободы морей над суверенными правами прибрежных государств, естественно, вызванная стремлением американцев сохранить максимально возможную глобальную мобильность. Соединённые Штаты выступали за то, что суверенитет должен распространяться лишь на трёхмильную зону, за которой начинается открытое море, рассматриваемое ими как бескрайнее пространство для реализации своих самых смелых военно-морских и коммерческих фантазий [12]. Возможность присоединения к Конвенции, чётко прописывающей разрешённые и запрещённые виды деятельности, а также пределы юрисдикции в каждой из морских зон, была воспринята американцами как добровольное заточение в клетку, крепко запёртую на железные ключи международных обязательств.

В последнее время противники ратификации преимущественно ссылаются на то, что соглашение способно существенно ограничить возможности Соединённых Штатов по обеспечению национальной безопасности, которую американцы неизменно связывают с проведением разведывательных операций в других, казалось бы, совершенно отдалённых уголках планеты. Главным препятствием являются статья 19 («Понятие мирного прохода»), вводящая ограничения на свободный проход в территориальное море в целях сбора информации, осуществления акций, угрожающих обороне прибрежного государства, проведения военных учений и т.д. [11], а также 20 («Подводные лодки и другие подводные транспортные средства»), устанавливающая обязательство подводных лодок следовать на поверхности с поднятым флагом [11].

Кроме того, Конвенция, по их мнению, ставит под знак вопроса проведение контртеррористических операций, в том числе в рамках запущенной в 2003 г. президентом Дж. Бушем Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (Proliferation Security Initiative – PSI) [13]. В частности, в связи с тем, что ст. 23 договора устанавливает право мирного прохода через территориальное море иностранных судов с ядерными и иными опасными или ядовитыми веществами на борту при наличии соответствующих документов [11].

Тем не менее, советник по правовым вопросам Вильям Х. Тафт в ходе слушаний в Комитете по делам вооружённых сил Сената в апреле 2004 г. указал на несостоятельность данной аргументации:

– во-первых, в контексте борьбы с терроризмом, распространением ОМУ и защитой национальной безопасности Конвенция не отменяет неотъемлемого права государств на индивидуальную или коллективную самозащиту, помимо этого, она наделяет их широкими правами и полномочиями в отношении пользования морскими зонами и контроля над ними;

– во-вторых, вызывающие обеспокоенность ст. 19 и 20 соглашения 1982 г. сущностно калькируют ст. 14 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г.², участником которой США уже является. Таким образом, в этом случае речь не может идти о принятии принципиально новых обязательств [14].

Дж. Беллингер, в прошлом советник по правовым вопросам госсекретаря США К. Райс, а также заместитель старшего наблюдателя по международному и национальному праву в сфере безопасности в Совете по международным отношениям, отмечает, что ратификацию Конвенции блокируют, прежде всего, сенаторы от Республиканской партии. При этом отрицание не есть результат рационально сделанного выбора (Беллингер подчёркивает, что после подробного разъяснения всех юридических тонкостей документа большинство политиков безоговорочно начинают выступать в его поддержку [15]) – действия основаны на устаревшем «позиционном материале» без переосмысления правовой сущности соглашения в контексте новых международных реалий. В действительности такой значительный стратегический пробел, не позволяющий Соединённым Штатам в полной мере утвердиться на циркумполярных землях, также свидетельствует о подознавательной инерционности в отношении Арктики, которая всё равно не воспринимается как жизненно важный и «свой» регион.

Одновременно США парадоксальным образом пытаются в рамках одной внешнеполитической сентенции продвинуть принцип свободы судоходства с апелляцией к основным международно-правовым документам в этой области (естественно, подразумевается в первую очередь Конвенция 1982 г.). Фактически они, не будучи полноправными участниками основополагающего по морскому праву соглашения, хотят наиболее слабое место национальной арктической политики заставить работать на защиту других интересов на данном региональном треке. Ранее этот тезис вводился в концептуальные документы с нетрадиционной для Соединённых Штатов деликатностью – несогласие с принадлежностью главных арктических транспортных артерий – Северного морского пути (СМП) и Северо-западного прохода (СЗП) – России и Канаде соответственно звучало примерно как вежливый отказ от признания территориальной принадлежности Гипербореи какому-то государству. Сдержанность и мягкость были обусловлены верой в «мифичность», малую практическую пользу пространства, обуславливающую абсурдность и самой поставки такого правового вопроса, и «поломанных копьев».

Теперь же (в частности, в Национальной стратегии для арктического региона (May 2013 National Strategy for Arctic Region), выпущенной администрацией Б. Обамы 10 мая 2013 г., когда с прогрессирующим таянием льдов и всё более осязаемыми перспективами расширения коммерческого мореплавания они приобретают реальную экономическую ценность, свобода судоходства преподносится в качестве чуть ли не эссенции международного морского права [16]. При этом историческая дихотомия принципов «свободы морей» и «национального суверенитета» умело выносится за скобки.

В этом контексте возникает ещё один важный вопрос: Соединённые Штаты понимают важность сохранения дружественных отношений с Канадой, в том числе для формирования «единого фронта» на Крайнем Севере, помехой которому не должны стать разногласия по вопросу о юрисдикции СЗП. В ходе выступления перед Комитетом по международным делам Палаты представителей С. Боргерсон, наблюдатель по морским делам в Совете по международным отношениям, чётко сформулировал цели США на этом треке: «Оттава могла бы заинтересоваться совместным партнёрством по арктической проблематике, которое должно включать углубление и расширение Соглашения 1988 г. для разрешения противоречий по вопросу Северо-Западного прохода и создания Арктиче-

² В соответствии с Конвенцией 1958 г. «проход является мирным, поскольку им не нарушается мир, добрый порядок или безопасность прибрежного государства. Такой проход должен совершаться в соответствии с настоящими статьями и с другими нормами международного права. Проход иностранных рыболовных судов не считается мирным, если они не соблюдают законов и правил, которые могут быть изданы и опубликованы прибрежным государством с целью запрещения этим судам заниматься рыболовством в территориальном море. Подводные лодки должны следовать на поверхности и под своим флагом».

■ Международные отношения и мировая политика

ской судоходной комиссии по типу Морского пути Святого Лаврентия. Было бы ошибкой недооценивать, насколько Арктика важна для Канады, нашего крупнейшего торгового партнёра и стратегического союзника. США должны поднимать арктическую тематику в ходе двусторонних дискуссий и активно работать в целях создания объединённого североамериканского блока для решения возникающих арктических проблем» [17].

Осознание арктической «пятёрки» в качестве монолитного образования, в котором все страны привержены общим принципам и ценностям, устарело, несмотря на традиционные для международных площадок декларации, имеющие, скорее, характер красивого дипломатического ритуала, нежели действительно значимых внешнеполитических императивов. При этом восприятие архитектуры региональных отношений в Арктике как четырёхконечной Триумфальной арки, символа наполеоновских побед, противостоящей одинокому Луксорскому обелиску – циркумполярные государства-члена НАТО versus Россия – также недалёковидный шаг. Излишняя схематизация по принципу «мы» – «они» заведомо лишает тех дивидендов, которые можно извлечь из анализа как существующих противоречий в рядах арктических представителей Альянса, так и точек соприкосновения с каждой из циркумполярных стран в целях развития двустороннего «ad hoc» взаимодействия.

В связи с этим России, имеющей твёрдую позицию в отношении юрисдикции над северными транспортными коридорами и вкладывающей значительные средства в развитие СМП, необходимо проводить политику одновременно и жёсткую – для решительной защиты государственных интересов, и гибкую – ввиду правовой и политической сложности однозначного международного признания её притязаний. В контексте продвижения подходов по северным транспортным магистралям естественным союзником России выступает Канада. Следует сразу отметить принципиальность, с которой, она, как правило, уступчивый и податливый союзник американцев, отстаивает исключительные права в отношении СЗП.

В 2002 г. Департамент иностранных дел и внешней торговли Канады заявил, что «абсолютный суверенитет Канады над этими водами, включая Северо-Западный проход, основывается на историческом титуле, и таким образом, в них не признается никакого права судоходства. Дальнейшее усиление позиции Канады в отношении такого суверенитета представляет собой продолжающееся использование и занятие льдов, покрывающих эти воды, инуитами с незапамятных времен» [18]. Властями страны даже было принято решение о переименовании своей морской транспортной артерии – теперь в официальных документах ее называют «Канадский северо-западный проход».

Таким образом, России следует сосредото-

чить усилия на наращивании критической массы горизонтальных связей с Канадой по линии взаимовыгодного инфраструктурного развития СМП и СЗП, в том числе с активным вовлечением коммерческих структур, созданием и реализацией совместных предприятий, а также бизнес-проектов. Этот путь представляется более целесообразным, нежели вступление в изматывающие переговорные марафоны по выработке конкретных документов, учитывая «вписанность» арктической проблематики в общий, не самый простой, контекст российско-канадских отношений. Тем не менее, в контактах с третьими странами по вопросам юрисдикции и функционирования СМП и СЗП необходимо «подсвечивать» единство взглядов по ряду вопросов с канадскими коллегами, принципиальная поддержка которых по существу рассматриваемых вопросов учитывается российской стороной. Ощущение такого рода солидарности, а в дальнейшем, возможно, даже «спаянности», пусть и не выраженной в предметных декларациях и обязательствах, способно усилить двустороннюю координацию и заложить фундамент для формирования мощной внешнеполитической силы, противостоящей амбициям других государств по установлению международного контроля над северными транспортными артериями.

Надо отметить, что Соединённые Штаты в последнее время пытаются «разгерметизировать» региональное пространство за счёт утверждения на нём новых акторов и установления с ними широких контактов. Если в предыдущих концептуальных документах подчеркивалась необходимость сотрудничества в первую очередь с арктическими государствами как своего рода циркумполярными самодержцами (в фоновом режиме всегда присутствовали также «коренные народы Севера» в качестве символа американской приверженности принципу равноправия и прочим застолбленным «Отцами-основателями» великим ценностям), то в вышеупомянутой арктической национальной стратегии-2013 тиражируются такие расплывчатые и при этом многозначительные понятия как «союзники и партнёры» («allies and partners»), «неарктические государства» («non-Arctic states»), «прочие заинтересованные стороны» («other interested parties») [16].

Более того, в новом документе не просто признаётся объективное увеличение «пула» акторов, заинтересованных в расширении своего присутствия в Арктике, – взаимодействие с третьими сторонами начинает рассматриваться практически как приоритетное направление деятельности: «США и другие арктические нации должны стремиться работать с другими государствами и субъектами для продвижения общих целей в арктическом регионе таким образом, чтобы это отвечало задачам защиты национальных интересов и ресурсов арктических государств» [16].

Расширение круга арктических участников одновременно отвечает целому ряду стратегических целей Соединённых Штатов. Прежде всего, создавая гармонично вплетающуюся в циркумполярную канву «сотрудничества во имя мира» позитивный образ «друзей» (общий смысловой знаменатель для всех «партнёров» и «союзников»), они тем самым показывают, что Крайний Север не может рассматриваться как политически и идеологически гомогенный регион. Выделение «мы» в отдельную категорию подразумевает существование также и маргинальной группировки «они», неких «врагов» (размытость образа служит целям ещё большего устрашения), против которых надо быть готовыми сплотиться во имя сохранения «наших» ценностей. Данный сценарий уже успел показать свою эффективность в ряде внешнеполитических спектаклей США, в частности, на ближневосточных подмостках. Надо отметить, что вслед за выдвижением привилегированной касты борцов за демократию и права человека (в Арктике этими «основополагающими» принципами могут стать, например, сохранение окружающей среды и продвижение интересов коренных народов Севера) всегда следует оформление абстрактного зла в весьма определенную «ось» с пострановым и даже поимённым перечислением «врагов».

Упорядоченная система региональных отношений с хорошо известными ролями, потенциалом и амбициями всех арктических государств, а также довольно четким институционально-правовым хребтом (Арктический Совет и Конвенция ООН по морскому праву) не способна дать американцам простор для теневого внешнеполитического маневрирования. Увеличение не только численности, но и «разнонаправленности» (нефтегазовые ТНК наравне с НПО экологического уклона) участников привносит хаос, создающий больше возможностей для «ручного управления» ситуацией и создания незаметной паутины неочевидных союзнических связей в зависимости от текущих потребностей и сложившейся конъюнктуры.

Кроме того, малозначимых и не имеющих реальной политической власти акторов можно использовать в качестве «мёртвых душ» при перетягивании в свою сторону регионального каната. Этот ход активно использует хитроумный Китай – африканское направление он развивает не только в силу насущных энергетических интересов на ресурсобогатом континенте, но и для получения более широкой поддержки в рамках международных организаций. В 1990-х гг. в Совете по правам человека ООН семь раз не были приняты антикитайские резолюции по правочеловеческой проблематике именно благодаря поддержке множественных африканских стран, чьи легковесные голоса оказались решающими. Таким же образом происходит и постепенное продвижение фундаментально важных концептов, в частности, принципа «одного Китая», – для установления дипломатических от-

ношений с «Поднебесной» государствам Африки приходится официально признавать позицию КНР по «тайваньскому вопросу» [19].

В этом контексте представляет интерес также тенденция к расширению Арктического Совета, главной региональной многосторонней организации с участием всех восьми циркумполярных государств (помимо стран «пятерки», имеющих выход к Северному Ледовитому океану, туда входят также Исландия, Финляндия и Швеция с территориями за Полярным кругом). Данный форум высокого уровня, созданный в 1996 г., в последнее время в связи с увеличением внешнеполитического интереса к Крайнему Северу трансформируется из дискуссионной площадки для решения «узким кругом лиц» специализированных вопросов локального значения во влиятельную международную организацию с широкими полномочиями и авторитетом (хотя принципиально важные военная и энергетическая тематики всё ещё остаются за скобками) – этому способствует и открытие Секретариата Совета в г. Тромсе (Норвегия), и принятие первых юридически обязывающих соглашений, и растущий интерес к его деятельности со стороны неарктических акторов.

В частности, в 2013 году в состав наблюдателей вошли шесть новых государств: Китай, Италия, Южная Корея, Сингапур, Япония и Индия. Примечательна преимущественно азиатская принадлежность «новообращённых». На их цивилизационной, исторической, внешнеполитической картине мира Север всегда был расположен не просто далеко территориально, его фактически не существовало – арктические снега выглядели как обозначенная белым пустота. Именно поэтому стремление этих государств играть более активную роль на циркумполярных просторах, не являющееся естественным продолжением последовательной вовлечённости в региональные процессы (например, статус наблюдателя в Арктическом Совете Франции, имевшей колониальные владения в Канаде, совершенно логичен) – не может не вызывать вопросов. Примечательно, что на фоне весьма сдержанного отношения Канады (в связи с опасениями относительно снижения приоритетности проблематики интересов коренных народов Севера) к расширению «пула» наблюдателей, именно госсекретарь США Дж. Керри взял на себя роль главного медиатора [7].

Если посмотреть на сложившуюся ситуацию вне широкого контекста, отбросив страх и трепет, вызванные мощным военным потенциалом и энергодефицитностью некоторых «новобранцев», то вступление шестёрки не может грозить серьёзными последствиями. Права стран-наблюдателей существенно ограничены: хотя они и приглашаются на заседания Арктического Совета, предполагается, что их вклад выразится, прежде всего, в участии в рабочих группах, а также проектных предложениях. При этом финансирование инициатив в большей степе-

---

■ Международные отношения и мировая политика

ни должно осуществляться кем-то из постоянных членов Совета. Одновременно расширение «странового» состава имеет немалые преимущества: новые государства, вступая в ряды наблюдателей, признают суверенитет и юрисдикцию арктических стран в регионе; приоритет решения возникающих вопросов на основе существующей правовой базы (прежде всего, международного морского права, то есть подчёркивается избыточность специального соглашения по Арктике), а также демонстрируют готовность инвестировать в развитие проектов организации.

Главный вопрос – почему же Соединённые Штаты, занимавшие вначале выжидательную позицию, в итоге стали драйверами присоединения новых наблюдателей. Очевидно, американцы, испытывающие сложности с Конвенцией ООН по морскому праву, крайне заинтересованы в дополнительных подтверждениях их прав на арктические территории, особенно со стороны таких влиятельных игроков, как Китай. Кроме этого, активная посредническая роль позволяет заработать дополнительные политические очки для упрочения своего влияния в организации, которой вначале они ошибочно не придавали большего значения, позволив занять лидирующие позиции иным членам.

Нерушимость «пятёрки» в её классическом понимании также разрушается попытками рассматривать циркумполярные территории арктических государств в качестве самостоятельных географических и политических единиц. В частности, в государственных документах стратегического характера Соединённые Штаты при перечислении полярных стран неизменно выделяют Гренландию, хоть и обозначают её в скобках и после Дании, то есть формально не ставя под сомнение территориальную принадлежность острова. Такой акцент делается неслучайно. Прежде всего, исторически этот остров имел большое значение для США как важнейший форпост НАТО в Северной Европе. Именно поэтому в 1951 г. с Данией был заключён двусторонний договор о защите Гренландии, который предоставляет, прежде всего, Соединённым Штатам, но также другим партнёрам по альянсу довольно широкие права по пользованию острова в военных и оборонительных целях.

В частности, «правительство Соединённых Штатов Америки может пользоваться правом свободного доступа и передвижения своих кораблей и самолётов, а также вооружённых сил и транспортных средств между базами на территории Гренландии, включая территориальные воды, сушу, воздушное и морское пространство» (ст. 5) [20]. В некоторых случаях договор устанавливает даже примат власти американцев на острове – в соответствии со статьёй 9 «законы Королевства Дания не должны распространяться на предотвращение доступа или вывода с баз или других объектов в Гренландии военного или гражданского персонала, чьё присутствие на таких базах или других объектах в Гренландии

требуется в связи с проведением операций в соответствии с данным соглашением» [20].

В этом контексте интерес представляет также Закон о самоуправлении Гренландии 2009 г. между местными властями и правительством Дании (они рассматриваются как «равноправные партнёры»). Согласно соглашению, вопросы внешней политики и безопасности остаются в сфере ведения Копенгагена, в то же время гренландцы наделяются правом вести переговоры и заключать соглашения с иностранными государствами, а также международными организациями по тем вопросам, которые касаются непосредственно острова (ст. 12) [21]. Кроме того, стоит подчеркнуть, что Гренландия с 1985 г. вышла из состава ЕЭС, в то время как Дания сохранила в нём членство, а затем и вошла в состав ЕС. Отдельный раздел посвящён возможностям предоставления острову независимости – обязательными условиями являются организация референдума и обоюдное согласие гренландского и датского парламентов.

Обретение независимости Гренландией, большая часть которой покрыта льдами, а население малочисленно и политически неизощрённо, позволит Соединённым Штатам приобрести «марионеточное» государство, безоговорочно послушного партнёра на региональном поле. С учётом богатых природных ресурсов острова и его стратегического геополитического расположения такой сценарий представляется довольно реальным, поскольку представляет несомненную выгоду для США. Более того, необходимая база – как правовая, благодаря соглашению 2009 г., так и военная в самом прямом смысле этого слова – для изящного и, главное, признанного международным сообществом выхода острова из-под юрисдикции Дании в крепкие союзнические объятия американцев уже подготовлена. В таких условиях целесообразным представляется укрепление двусторонних связей по линии коренных народов Севера – между российскими и гренландскими инуитами – с целью развития взаимодействия именно с местными властями Гренландии, которые в перспективе могут в полной мере занять место Копенгагена в Арктике.

Помимо этого, США делают прямые попытки маргинализировать некоторых традиционных арктических игроков. Так, весной 2014 г. преимущественно силами ряда американских экспертов началась кампания по созданию нового образа России в Арктике – неуправляемого и агрессивного тирана с мощной военной дубинкой, но отсутствием международно-правовой совести. Пытаясь наложить извращённые интерпретации присоединения Крыма и украинских событий на внешнеполитические карты иных регионов, в том числе циркумполярного, они, замахнувшись на У. Черчилля, констатируют начало новой холодной войны [7]. Учитывая, что в тот период Арктика играла совершенно особую роль, будучи кратчайшим путём следования баллистических ракет между двумя идео-

логическими противниками, снежной пустыней с перспективами братской могилы, её будущее значение в нынешних условиях – и как поля боя, и как главного трофея – не подвергается сомнению.

Оправдание и обоснование такой словесной дерзновенности грубостью российских действий – не более чем политический ход: этот умело подвёрстанный под украинские события образ успешно эксплуатировался на циркумполярном медийном поле и раньше. В одном из исследований, посвящённых метафорике американских публикаций об Арктике (надо отметить, оно было сделано ещё в 2012 г.), отмечается значительная доля милитаристской лексики: «Самые популярные из них – это, несомненно, метафоры о «новой» или «следующей холодной войне», «новой великой игре», «самой холодной войне», «лихорадке белого золота», «великой арктической золотой лихорадке», «арктическом оттаивании», «вооруженной заварушке», «схватке за Арктику», и одна из мои любимых – «ледяные войны» [22].

Использование военной метафоры в политическом дискурсе свидетельствует об убежденности в агрессивном разрешении существующих разногласий, отсутствии готовности нации на компромисс [23]. В то же время эмоциональный посыл образа холодной войны настолько силен, особенно в восприятии среднестатистических американцев, да и скандинавов, что использование в арктическом контексте данной исторической референции автоматически деминимизирует все действия России в Арктике, как уже совершённые, так и превентивным образом те, что могут случиться в будущем. Гипнотизирующее воздействие картинки с разрывающимися советскими атомными бомбами обуславливает ненужность каких-либо доказательств или объяснений, почему «русские» опасны.

В целом на арктическом пространстве Соединённых Штаты очень сильны в изобретении тактических уловок, хотя многие из них в настоящий момент выражены лишь в бестелесной, исключительно словесной форме «намёков на будущие намерения». Тем не менее, с увеличением внешнеполитического интереса к региону они будут становиться всё более «физическими», выражаясь в предметных соглашениях, стратегических альянсах, совместных военных учениях. К этим шагам надо быть готовым заранее. Одновременно общая натренированность на решение амбициозных внешнеполитических задач, годами отработанная манера ведения игры на различных региональных полях не восполняют

тонкого ощущения циркумполярной конъюнктуры – интуитивного восприятия, а не рационального осознания наиболее принципиальных вопросов, которые нуждаются в решительном и энергичном подходе. Именно поэтому совершенно парадоксальным образом Соединённые Штаты, несмотря на многочисленные и настоятельные призывы со стороны всех ветвей власти (в том числе отражённые в концептуальных документах), научного и экспертного сообщества, не могут до сих пор ратифицировать Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., хотя правильность этого шага очевидна; сохраняют пассивность в отношении развития ледокольного флота; занимают непримиримо жёсткую позицию в отношении СЗП, грозя испортить особые отношения с верной Канадой.

Арктика для Соединённых Штатов представляет собой не просто карту с белыми пятнами, но ещё и с отсутствующей системой координат. Фактически США привыкли действовать (в соответствии с «интересами национальной безопасности») или на абсолютно «чужом» поле в силу цивилизационных, религиозных и иных отличий (как Ближний Восток, например), или же, что большая редкость, на собственной территории (в частности, Тихоокеанский театр военных действий во время Второй мировой войны). В первом случае «чужеродность» задаёт тон всей стратегии, обуславливая её предельную безэмоциональность, рационализм по принципу «цель оправдывает средства», жёсткость и даже безжалостность по отношению к тому, что «чуждо». Во втором – национальное сплочение перед внешней угрозой предопределяет энергичные и решительные действия, полные, напротив, эмоционального накала. Арктика же является, с одной стороны, исторически, климатически и сущностно «иным» пространством, с другой – территориальной единицей государства. Ощущение региона одновременно и «своим», и «чужим», необходимость совмещения двух совершенно разных внешнеполитических парадигм приводит Соединённые Штаты к состоянию когнитивного диссонанса. В этих условиях США необходимо сделать выбор: принять себя, прежде всего, как северную страну, рассматривая единство с остальными арктическими государствами вкупе с их международно-правовой и инфраструктурной атрибутикой в качестве естественного и закономерного приоритета, или же продолжить страдать от «биполярного расстройств», грозящего превратиться в циркумполярное поражение.

Список литературы

1. Акимов Ю.Г. «Истинный Север, сильный и свободный»: фактор северности в формировании канадской национальной идентичности. Общество. Среда. Развитие. (Terra Humana). 2012. № 1. С. 197.
2. Rothwell D. The Polar Regions and the Development of International Law. Cambridge University Press, 1996. 224 p.

■ **Международные отношения и мировая политика**

---

3. National Security Decision Memorandum – 144 (22.12.1971) [Электронный ресурс]. // Federation of American Scientists. Режим доступа: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm-144.pdf> (дата обращения 18.02.2015)
  4. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive – 66 (09.01.2009). [Электронный ресурс]. // Federation of American Scientists. Режим доступа: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (дата обращения 18.02.2015)
  5. Fact Sheet U.S. Arctic Policy (26.12.1994). U.S. Department of State Dispatch, vol. 5, no. 52. [Электронный ресурс]. // U.S. Department of State and the Federal Depository Library at the Richard J. Daley Library, University of Illinois. Режим доступа: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1994/html/Dispatchv5no52.html> (дата обращения 18.02.2015)
  6. Huebert R. United States arctic policy: the reluctant arctic power. SPP Briefing papers. University of Calgary. 2009. Vol.2. Iss.2. 27 p.
  7. O'Rourke R. Changes in the Arctic. Background and Issues for Congress. Congressional Research Service Report (04.08.2014). [Электронный ресурс]. // Federation of American Scientists. Режим доступа: <http://fas.org/sgp/crs/misc/R41153.pdf> (дата обращения 18.02.2015)
  8. United States Coast Guard Arctic Strategy (05.2013). [Электронный ресурс]. // US Department of Homeland Security. Режим доступа: http://www.uscg.mil/seniorleadership/DOCS/CG_Arctic_Strategy.pdf (дата обращения 18.02.2015)
  9. Merklen T. Le régime de l'Arctique: quand la glace n'est plus. Cahiers de recherche en politique appliquée, 2012, no. 1, vol. 4, pp. 29-40. [Электронный ресурс]. // L'Université de Sherbrooke, Québec, Canada. Режим доступа: <http://www.usherbrooke.ca/politique-appliquee/fileadmin/sites/flsh/politique/documents/cahiers/Vol4-no1-article3.pdf> (дата обращения 18.02.2015)
  10. Декларация Конференции по вопросам Северного Ледовитого океана, Илулиссат, Гренландия (29.05.2008). [Электронный ресурс]. // МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/76bbf733e3936d4543256999005bcbb7/986b38f469167da5c3257458004581fe!OpenDocument (дата обращения 18.02.2015)
  11. Конвенция ООН по морскому праву (10.12.1982). [Электронный ресурс]. // ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea184-234.pdf (дата обращения 18.02.2015)
  12. Testimony of Bernard H. Oxman before the Senate Committee on foreign relations on accession to the United Nations Convention on the Law of the Sea and ratification of the 1994 agreement regarding part IX of the Convention (14.10.2003). [Электронный ресурс]. // US Senate. Режим доступа: <http://foreign.senate.gov/testimony/2003/OxmanTestimony031014.pdf> (дата обращения 18.02.2015)
  13. Browne M.A. The U.N. Law of the Sea Convention and the United States: developments since October 2003. CRS Report for Congress. [Электронный ресурс]. // Federation of American Scientists. Режим доступа: <http://fas.org/sgp/crs/row/RS21890.pdf> (дата обращения 18.02.2015)
  14. Testimony of William H. Taft, Legal Adviser, Department of State, before the Committee on armed services United States Senate about military implications of the UN Convention on the Law of the Sea (08.04.2004). [Электронный ресурс]. // US Government Publishing Office. Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-108shrg99782/html/CHRG-108shrg99782.htm> (дата обращения 18.02.2015)
  15. Bellinger III J. Arctic treasure. // Foreign policy, 2011, 19 May. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2011/05/19/arctic-treasure/> (дата обращения 18.02.2015)
  16. National Strategy for Arctic Region (10.05.2013). [Электронный ресурс]. // The White House. Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения 18.02.2015)
  17. Statement of Scott G. Borgerson, visiting Fellow for Ocean Governance at the Council on Foreign Relations, before the Committee on Foreign Affairs U.S. House of Representatives about U.S. national security interests in the Arctic (25.04.2009). [Электронный ресурс]. // Council on Foreign Relations. Режим доступа: www.cfr.org/content/publications/attachments/Borgerson_Testimony_3_25_09.pdf (дата обращения 18.02.2015)
  18. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод: теория и практика государств. Под ред. А.Н.Вылегжанина. М.: МГИМО – Университет, 2012. 112 с. [Электронный ресурс]. // МГИМО Университет МИД России. Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=1003308> (дата обращения 18.02.2015)
  19. Дегтерев Д.А. Китай-Африка: важные аспекты отношений. // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 84-91.
  20. Kingdom of Denmark and United States of America agreement on defence of Greenland (27.04.1951). [Электронный ресурс]. // Lillian Goldman Law Library. Режим доступа: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/den001.asp (дата обращения 18.02.2015)
  21. Закон о самоуправлении Гренландии (21.06.2009). [Электронный ресурс]. // Prime Minister's Office. Режим доступа: http://www.stm.dk/multimedia/GR_Self-Government_UK.doc
-

22. Keil K. Holy Grail or Next Cold War? Metaphors for Describing the Arctic (11.01.2012). [Электронный ресурс]. //The Arctic Institute. Center for Circumpolar Security Studies. Режим доступа: <http://www.thearcticinstitute.org/2012/01/67345-holy-grail-or-next-cold-war.html#more> (дата обращения 18.02.2015)
23. Будаев Э. Военная метафорика в дискурсе СМИ. // Acta Linguistica. 2008. Т. 2. № 1. С. 29 - 36. Режим доступа: <http://journals.slavica.org/index.php/als/article/view/121/131> (дата обращения 18.02.2015)
24. Canada and United States of America Agreement on arctic cooperation (11.01.1988). [Электронный ресурс]. // ООН. Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201852/volume-1852-i-31529-english.pdf> (дата обращения 18.02.2015)

Об авторе

Матияк Любовь Анатольевна – аспирант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; атташе Департамента информации и печати МИД России. E-mail: matiak@mail.ru.

PARADIGMATIC DISCORD IN US ARCTIC POLICY

L.A. Matiyak

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The United States, as one of the five Arctic states, plays what seems at first glance a typical role in the Arctic through their regional policy that uses standard tactical maneuvers, which have proven themselves worthy in other areas of the globe. However, this role is played with unusual passiveness that can be attributed primarily to a lack of an Arctic identity. This is most evident upon comparison with other states of the Arctic "five", which are completely different from each other, and nevertheless are bound by a sense of belonging to the North. The United States is the only Arctic state that has not signed the United Nations Convention on the Law of the Sea, that has taken a firm stance on the sovereignty of the Northwest Passage, that risks increasing tensions with Canada, and that is not developing its icebreaker fleet, which is crucial to operations in the Arctic. This circumpolar strategic ambivalence of a powerful state, that is experienced in conducting foreign affairs, in itself presents significant room for research. Meanwhile, the region's importance is increasing in the changing international environment; it can become a "battlefield" due its strategic geopolitical position and at the same time the "main trophy" due to its abundant hydrocarbon potential. During the recent years, the Arctic has been gradually transforming into a "metaregion" for foreign affairs; its geographically limited borders have spread globally due to an increasing international presence in the Polar Region that has significant energy resources and transportation potential. This is confirmed by the emergence of new actors (including traditionally non-Arctic players), the change in agenda of multilateral discussions (traditional topics, such as protection of the fragile Arctic environment, indigenous peoples of the North, have been complemented with the new "challenges" of energy security, global warming, and militarization), and the strengthening of the institutional framework (the Arctic Council has been more and more influential). In light of the recent tension in Russian-US relations and the rising significance of the Polar Region, US Arctic policy should be the subject of an in-depth analysis of foreign-affairs experts and the government.*

Key words: the Arctic, foreign policy of the USA, Arctic Council, international legal status, United Nations Convention on the Law of the Sea, Northwest Passage, Canada, Greenland, icebreaker fleet, the North, Arctic identity.

References

1. Akimov Iu.G. «Istinnyi Sever, sil'nyi i svobodnyi»: faktor severnosti v formirovanii kanadskoi natsional'noi identichnosti. ["True North, strong and free": north factor in formation of Canadian national identity]. Obshchestvo. Sreda. Razviti. (Terra Humana), 2012, no 1, p. 197.
2. Rothwell D. The Polar Regions and the Development of International Law. Cambridge University Press, 1996, p. 224.
3. National Security Decision Memorandum – 144 (22.12.1971). Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdm-nixon/nsdm-144.pdf> (accessed 18.02.2015)

■ **Международные отношения и мировая политика**

---

4. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive – 66 (09.01.2009). Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (accessed 18.02.2015)
5. Fact Sheet U.S. Arctic Policy (26.12.1994). U.S. Department of State Dispatch, vol. 5, no. 52. Available at: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/briefing/dispatch/1994/html/Dispatchv5no52.html> (accessed 18.02.2015)
6. Huebert R. United States arctic policy: the reluctant arctic power. SPP Briefing papers. University of Calgary, 2009, vol. 2. Iss.2. 27 p.
7. O'Rourke R. Changes in the Arctic. Background and Issues for Congress. Congressional Research Service Report (04.08.2014). Available at: <http://fas.org/sgp/crs/misc/R41153.pdf> (accessed 18.02.2015)
8. United States Coast Guard Arctic Strategy (05.2013). Available at: http://www.uscg.mil/seniorleadership/DOCS/CG_Arctic_Strategy.pdf. (accessed 18.02.2015)
9. Merklen T. Le régime de l'Arctique: quand la glace n'est plus. Cahiers de recherche en politique appliquée, 2012, no. 1, vol. 4, pp. 29-40. Available at: <http://www.usherbrooke.ca/politique-appliquee/fileadmin/sites/flsh/politique/documents/cahiers/Vol4-no1-article3.pdf> (accessed 18.02.2015)
10. Ilulissat Declaration (29.05.2008). Available at: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf (accessed 18.02.2015)
11. United Nations Convention on the Law of the Sea (10.12.1982). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawsea184-234.pdf (accessed 18.02.2015)
12. Testimony of Bernard H. Oxman before the Senate Committee on foreign relations on accession to the United Nations Convention on the Law of the Sea and ratification of the 1994 agreement regarding part IX of the Convention (14.10.2003). US Senate. Available at: <http://foreign.senate.gov/testimony/2003/OxmanTestimony031014.pdf> (accessed 18.02.2015)
13. Browne M.A. The U.N. Law of the Sea Convention and the United States: developments since October 2003. CRS Report for Congress. Available at: <http://fas.org/sgp/crs/row/RS21890.pdf> (accessed 18.02.2015)
14. Testimony of William H. Taft, Legal Adviser, Department of State, before the Committee on armed services United States Senate about military implications of the UN Convention on the Law of the Sea (08.04.2004). US Government Publishing Office. Available at: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-108shrg99782/html/CHRG-108shrg99782.htm> (accessed 18.02.2015)
15. Bellinger III J. Arctic treasure. Foreign policy, 2011, 19 May. Available at: http://shadow.foreignpolicy.com/posts/2011/05/19/arctic_treasure (accessed 18.02.2015)
16. National Strategy for Arctic Region (10.05.2013). The White House. Available at: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf. (accessed 18.02.2015)
17. Statement of Scott G. Borgerson, visiting Fellow for Ocean Governance at the Council on Foreign Relations, before the Committee on Foreign Affairs U.S. House of Representatives about U.S. national security interests in the Arctic (25.04.2009). Council on Foreign Relations. Available at: www.cfr.org/content/publications/attachments/Borgerson_Testimony_3_25_09.pdf (accessed 18.02.2015)
18. Vylegzhanin A.N. Mezhdunarodno-pravovaia kvalifikatsiia morskikh raionov v kachestve istoricheskikh vod: teoriia i praktika gosudarstv [International legal classification of sea regions as historical waters: theory and practice by states.], Moscow, MGIMO-University, 2012. Available at: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=1003308> (accessed 18.02.2015)
19. Degterev D.A. Kitai-Afrika: vajnie aspekti otnoshenii. Mirovaya ekonomika i mejdunarodnie otnosheniya, 2005, no. 5, pp. 84-91.
20. Kingdom of Denmark and United States of America agreement on defence of Greenland (27.04.1951). Available at: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/den001.asp (accessed 18.02.2015)
21. Act on Greenland Self-Government (21.06.2009). Available at: http://www.stm.dk/multimedia/GR_Self-Government_UK.doc
22. Keil K. Holy Grail or Next Cold War? Metaphors for Describing the Arctic (11.01.2012). The Arctic Institute. Center for Circumpolar Security Studies. Available at: <http://www.thearcticinstitute.org/2012/01/67345-holy-grail-or-next-cold-war.html#more> (accessed 18.02.2015)
23. Budaev E. Voennaia metaforika v diskurse SMI. [Military metaphors in mass media rhetoric.] Acta Linguistica, 2008, vol. 2, no. 1. Available at: <http://journals.slavica.org/index.php/als/article/view/121/131> (accessed 18.02.2015)
24. Canada and United States of America Agreement on arctic cooperation (11.01.1988). Available at: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%201852/volume-1852-i-31529-english.pdf> (accessed 18.02.2015)

About the author

Matiyak Liubov Anatolievna – post-graduate student of the “Political theory” chair at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; she is an attaché at the Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: matiak@mail.ru.